

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 32 (198)

11 ИЮЛЯ 1934 г.
ЦЕНА 20 коп.

С О В Е Т С К О Е И С К У С С Т В О

ОРГАН НАРКОМПРОСА РСФСР

ЖИВОИ ЧЕХОВ

ПИСАТЕЛЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. П. Чехов

С портрета И. Э. Браза

А. Южин-Субботов откликнулся по-своему. Он писал Чехову: «Уж очень коротко пишешь, ей-богу. Ведь, это хвостик, этюд. И так читать почти нечего, а тут побредешь на что-нибудь живое, чуть разлакомишься — хлоп, конец».

Южин-Субботов уловил самое существенное — компактность художественной записки Чехова. Чехов — один из самых экономных писателей. Компактность и теснота его строк поразительны. Он вполне сознательно культивировал свою манеру экономности, рассчитывая каждую ситуацию. В письме к драматургу Е. П. Гославскому от 11 мая 1899 г. Чехов настаивает: «Чем теснее, тем компактнее, тем выразительнее и ярче».

Чехов не сразу нашел форму для своего маленького рассказа. Каков его путь — это вопрос сложный, и не здесь его разрешать. Для нас в данном случае важно другое. Для нас важно констатировать, что после Чехова короткий насыщенный завершённый рассказ стал не просто разновидностью стилизованного жанра, а закономерно жанровым явлением.

Ввести в большую литературу короткий рассказ — это не значило сократить старую классическую повесть. Надлежало искать и найти новые жанровые формы, и Чехову удалось эта задача. Классики давали описание. Чехов заменил описание впечатлением. Для сего он пользуется одним-двумя характерными штрихами. Остальное должно дорисовать воображение читателя. Читатель, таким образом, вовлекается в творческие процессы, это волнует читателя и держит его в напряжении. 22 января 1888 г. Чехов пишет писателю И. Л. Шеглову по поводу одного маленького рассказика адресата, он попрекает Шеглова, что тот дает читателю возможность отдохнуть в промежутке между событиями: «А нельзя давать (читателю) отдыха, нужно держать его напряженным»...

Чехов больше всего опасался традиционных приемов и штампов. Чехов неутомимо искал тех мимолетных штрихов, которые завершают портрет, характер, ситуацию, которые создают впечатление. Вот как вспоминает об этом К. С. Станиславский. Когда в Художественном театре приступили к репетициям «Дяди Вани» и стал обрисовываться облик Ивана Петровича Войницкого (дядя Ваня), ему предполагалось присвоить обычную внешность, традиционный театральный костюм домашнего; высокие сапоги, картуз, иногда плетку. Но Чехов возмутился. «Послушайте, — горячился он, — ведь там же все сказано. Вы же не читали пьесы... «Мы заглянули в пьесу, — рассказывает Станиславский, — но никаких указаний не нашли. Если не считать нескольких слов о шелковом галстуке... «Конечно же, — настаивал Чехов, — послушайте, у него чудесный галстук, он изящный, культурный человек... В самом деле, первое же появление дяди Вани сопровождается краткой ремаркой:

«онправляет свой шелковый галстук».

Может быть, указанный прием здесь несколько даже утрирован, если принять во внимание, что даже Станиславский не сразу понял всю тонкость ремарки. Но суть не в этом частном случае, а в самой манере письма, в стремлении, в художественной тенденции. А. С. Грузинский вспоминает одно из наставлений Чехова: «Для того чтобы подчеркнуть бедность просительницы, не нужно тратить много слов, не нужно говорить о ее жалком несчастном виде, а следует только вскользь сказать, что она была в рыжей талие».

Чехов-разоблачитель понимал, что традиционные литературные приемы устарели. В орбиту чеховского отрицания прежде всего входил «средний человек», обыватель, мещанин, массовая интеллигенция. Чехов борется с теми же врагами, носителями пошлости, с которыми боролся Салтыков-Щедрин. Но Щедрин писал в иные времена, он видел разнотинную интеллигенцию в эпоху ее восхождения, когда она была носительницей идеалов революции (60-е и 70-е годы), он видел затем закат интеллигенции, ушедшей на службу капиталу. Вот откуда гневная сатира Щедрина, его сарказм, его огненная слеза. Перед Чеховым стояли иные задачи: обывательская интеллигенция ко времени Чехова несомненно была сказать ни одного высокого слова, потому что пародия выродилась в либералов, потому что старые идеалы должны были уступить место новым историческим идеалам: на арене появился российский пролетариат.

Чехову было неясно, кто пришел на смену бывшей героической интеллигенции: этого он не уяснил до конца своих дней. Работы остались вне поля зрения Чехова. Но это — уже иной вопрос. Зато Чехову было понятно, что не интеллигенция призвана быть вершителем исторических судеб. Да она и не претендует: бескрылая, вялая, она мечется между высокопарной фразой и жалобными причитаниями. У Чехова не нашлось для этих жалких людей гневных нот. Чехов говорит об Иванове («Иванов»), о дяде Ване, об Астрове («Дядя Ваня»), о трех сестрах со скорбной улыбкой. Иронией запечатлены его высказывания, горькая гримаса ложится на уста при чтении «Вишневого сада», «Скудной истории», и «Дуали» и многого другого.

Лирическая скорбь чеховских творений мотивирована субъективным отношением автора к своим персонажам. Все они: Иванов, и Войницкий, и профессор («Скудная история»), и Лаевский («Дуаль») — все честные, хорошие люди. Но бессмысленное существование сдает их волю; в той среде, в годы безвременья, интимны они и не могли быть. Чехов симпатизирует им и тем самым протестует против обстановки, где гибнут такие симпатичные люди.

Впоследствии Чехов протестует и против обывательского безразличия к окружающей действительности. Гру-

бые кулаки сторожа Никиты, с которыми сталкивается Андрей Воронич, символизируют грубость порядков, против которых протестует автор, создавший незабываемые образы пленников «палаты № 6». Чехов поднимает голос протеста против грубого произвола, и читателю чудится, что вся Россия конца 80-х, начала 90-х годов (рассказ написан в 1892 г.) — сумасшедший дом, где страдают интеллигентные Громы и самоуравничают холопы и хапы.

Молодой Чехов находился под несомненным влиянием Салтыкова-Щедрина. По поводу великого сатирика он писал Плещееву: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот свободный дух, который живет в мелком изможденном чахливе душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага», Щедрин был невозможным врагом того «движения», которое называло себя российским либерализмом и которое заклещено Чеховым как «свободный дух».

Чехов продолжал борьбу против того же «свободного либерализма». Разумеется, эпоха была уже иная, да и Чехов вел борьбу с иными позициями, а стало-быть, вел ее иными средствами, с помощью иных литературных приемов. Чехов боролся не только с пошлостью как общественным явлением, он подвел окончательные итоги пошлостеству и бездействию российской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции. После Чехова было уже невозможно идеализировать российского интеллигента.

К концу 90-х годов имя Чехова служит украшением лучших изданий. Вместе с тем он меняет свои общественные вкусы, начинает чуждаться нововременцев. И вот тут произошло событие, никак еще не изученное; была сделана попытка купить Чехова, соблазнить этого плебея, мещанина, сына лавочника, внука крепостного: Чехов был вышестайше пожалован потомственным дворянством. При каких обстоятельствах это произошло, чьи влияния здесь имели место, на что рассчитывали власти, — все это еще пока не изучено. Но самый факт очень симптоматичен. Впрочем, расчеты не оправдались: Чехов никому даже не рассказывал об этом, продолжая писать об оскудении дворянства. В 1901 г. он был избран в почетные академики, чтобы в следующем году отказаться от этого почетного звания.

Чехов не знал, откуда придет буря, но ее дыхания он не мог не ощущать. Мотивы близящихся перемен слышны в высказываниях действующих лиц все чаще, впоследствии они оформляются в краткий, но решительный монолог Тузенбаха («Три сестры»): «Пришло время, надвигается на всех нас грозда, готовится здоровая, сильная буря, и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушные к труду, гнилую скуку».

А. ЕФРЕМИН

НА XVI съезде ВКП(б), когда т. Сталин заканчивал уже свое заключительное слово, вдруг весь зал загремел от хохота. Чем вызван был смех? Тов. Сталин, разоблачая бывших лидеров правой оппозиции, мобилизовал в памяти литературный образ «человека в футляре»: это Беликов так насмешил весь зал, Беликов с его постоянным страхом — «как бы чего не вышло»...

Ссылкой на человека в футляре Сталин показал, что Чехов жив, что литературное его значение ни сколько не утрачено и сейчас. И сейчас, в наше время, Беликовы существуют... Однако имеется разница: во времена Чехова они пугали, в наше время они смешат.

В чем смысл образа Беликова? Его основная черта — страх перед действительностью: «Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге», — рассказывает автор. В этом — смысл и основная черта Беликова. Таких людей было немало в дореволюционном прошлом, они угнетали, они давили, они пугали. Для нашего времени Беликовы — уроки, фантомы, Беликовы и беликовщина в наше время вы-

корчевываются с такой энергией, что вспыхнувший над фигурой Беликова внезапный свет способен вызвать лишь смех. А вот во времена Чехова один из вдумчивых критиков после появления «Человека в футляре» писал: «Чехов не дает ни малейшего утешения, не открывает ни проблески просвета в этом футляре, который покрывает нашу жизнь».

«Человек в футляре» — такой же укоренившийся литературный знак, как Хлестаков, Обломов, Дерунов, Платон Каратаев. Он выражает целую полосу в нашей общественной жизни, типовое явление. Сколько же места занимает рассказ? Каков он по объему?

Он напечатан на 11 страничках*. Каждый, кто давно читал этот рассказ, удивится: как? неужели всего 11 страниц? мыслимо ли? — Да, уважаемый читатель, это так. А между тем рассказ запоминается на всю жизнь, и образ человека в футляре — незабываемый образ.

Рассказ появился в 1898 г. и тотчас же вызвал ряд откликов.

* «Русская мысль», 1898, № 7, июль, стр. 120—131.